

янаула) / сост. А. Д. Цветкова и А. А. Садыкова. Павлодар, 2005 // Традиционная культура. 2007. № 3.

Иванова 2006 — История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / сост., вступ. ст., коммент. А. А. Ивановой. М., 2006.

Корепова 2007 — Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб., 2007.

Котельникова 2007 — *Котельникова Н. Е.* Собрание и систематизация несказочной прозы для архивного хранения // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов / отв. ред. А. С. Каргин. М., 2007. Т. IV. С. 164—176.

Криничная 1983 — Легенды, предания, бывальщины / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Криничной. М., 1983.

Криничная 1987 — *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.

Криничная 1988 — *Криничная Н. А.* Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988.

Криничная 1991 — Предания Русского Севера / сост. Н. А. Криничная. СПб., 1991.

Криничная 2001 — *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизм образов: в 3 т. Том первый: былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб., 2001.

Лазарев 1970 — *Лазарев А. И.* Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970.

Новичкова 1995 — *Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.

Померанцева 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Соколова 1970 — *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970.

Цветкова, Садыкова 2005 — Благодатная земля (несказочная проза Баянаула) / сост. А. Д. Цветкова и А. А. Садыкова. Павлодар, 2005.

Черепанова 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.

Шеваренкова 1998 — Нижегородские христианские легенды / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Шеваренковой, отв. ред. К. Е. Корепова. Нижний Новгород, 2008.

Шеваренкова 2004 — *Шеваренкова Ю. М.* Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород, 2004.

Шумов 1991 — Былички и бывальщины. Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К. Шумов. Пермь, 1991.

Шумов 1993 — Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе и бане / сост. К. Шумов, Е. Преженцева. Пермь, 1993.

Б. Г. АХМЕТШИН
(Уфа)

ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ В СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРИИ

Русская песенная традиция Архангельского района Башкортостана / Акад. наук Респ. Башкортостан, отд-ние социальных и гуманитарных наук; [сост. Л. И. Брянцева]. — Уфа: Гилем, 2006. — 288 с.

Особенности бытования традиционных русских песен в иноязычном окружении — тема не менее актуальная, нежели вопросы взаимодействия разноязычных фольклорных традиций в условиях многонациональной республики, каковой является Башкирия. Поэтому обращение Л. И. Брянцевой к судьбам наиболее характерных для русской песенной поэзии жанров в узколокальном башкирском регионе, конкретно в Архангельском районе, представляется весьма своевременным и заслуживающим серьезного внимания.

Архангельский район, расположенный в горно-лесной зоне к юго-востоку от Уфы, имеет своеобразный рельеф и богатые природные ресурсы, среди которых первостепенное значение имеют (в качестве сырья и топлива) большие запасы руды и древесины. Именно эти факторы способствовали сооружению и введению в действие в 1753 году Архангельского медеплавильного завода, на котором группа московских фабрикантов организовала позднее (1889) производство чугуна. Завод проработал полтора столетия и был остановлен в 1903 году. Село Архангельское выросло на месте бывшего заводского поселения, основанного первоначально купленными И. С. Мясниковым крепостными крестьянами из Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний. Они же положили начало селам Зилим, Ирныкши, Магаш и др.

Местное горнозаводское население представляло собой особое замкнутое сословие с устойчивым бытовым и производственным укладом, связанным с сельским хозяйством (клочок земли, личное подворье), а также с общей материальной и духовной культурой, в основном крестьянской. Значительная удаленность от

культурных центров, труднодоступность мест поселений, повседневный труд на одном и том же производстве на протяжении полутора столетий, тесное бытовое общение в условиях иноязычного окружения и несколько изолированное проживание выходцев из центральных губерний России, где издавна сложились во многом сходные, а то и одинаковые обычаи, обряды и фольклорные традиции — все это способствовало некоторой консервации наиболее традиционных видов и форм устного творчества, и особенно песенной поэзии пригородского населения.

После того как многие старинные уральские рудники и железоделательные, чугунолитейные и медеплавильные заводы были закрыты — одни во второй половине XIX, другие, как и Архангельский, в начале XX века — вчерашние рабочие стали заниматься лесными промыслами или сельским хозяйством, тем самым вернувшись к привычному, сугубо крестьянскому укладу жизни предков, что также послужило сохранению ранних пластов их песенного творчества. Такими обстоятельствами и вызван к жизни «архангельский феномен», который с трудом могут объяснить даже специалисты, вооруженные современным научным инструментарием.

Действительно, трудно поверить в возможность бытования в конце XX столетия народных русских песен, которые по своей полноте, совершенству и художественной выразительности, а порой и по архаичности отдельных элементов, мотивов и деталей, не уступают лучшим образцам из классических песенных сборников и антологий XIX века. Некоторые из них воспроизводят (иногда в заметно видоизмененной форме) отдельные варианты из «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова, изданного в последней трети XVIII века (1770—1774) в четырех частях. Например, пять вариантов песни «Ходила младшенька по борочку» (№№ 37, 38, 39, 40, 41 — [Чулков 1770—1774, ч. II, № 172]), варианты плясовых и шуточных песен «Как по мосту, мосточку по калинову» (№ 23 — [Чулков 1770—1774, ч. II, № 187]), «Танька горька и несчастна» (№ 44 — [Чулков 1770—1774, ч. II, № 198]). Это позволяет проследить исторический путь развития русской народной лирики за два с лишним столетия.

Однако следует заметить, что собрание Л. И. Брянцевой существенно расширяет горизонты обзора истории общерусской песенной поэзии, так как в нем представлены и самые ранние ее пласты. О

том, что целый ряд песен, записанных по преимуществу его составителем и студентами-филологами Башкирского государственного университета в Архангельском районе в 1960—1980 годах, имеют весьма почтенный возраст, свидетельствуют сюжеты, восходящие к эпохе татаро-монгольского нашествия, а то и к более давним временам. Поэтому многие из них относятся к числу редких и публикуются впервые.

В сборник вошло около 300 песен, записанных более чем от 80 исполнителей. Весь корпус опубликованных в нем текстов распределен по жанровым разновидностям и расположен по соответствующим рубрикам. Составитель сборника проделал значительную работу по компоновке и систематизации канонических сюжетов, подбору их вариантов по определенной схеме, что приоткрывает «тайну» и специфику процесса песнетворчества, его развития в разные исторические эпохи как поэтической летописи или движущейся панорамы происходивших событий и явлений народной жизни и быта.

Открывается свод небольшим циклом исторических песен из шести текстов. Среди них особенно выделяются сюжеты с отголосками событий, связанных со взятием Казани войсками Ивана Грозного, строительством собора Василия Блаженного, Отечественной войной 1812 года, смертью Александра I в 1825 году («Соловей кукушку уговаривал», «В государевом селе церкву строили», «Разорена путь-дорожка от Можайска вплоть да матушки Москвы», «Собирался царь Ляксандра в Таганрог с войском служить»). Первоначально они были записаны в 1960-е годы по преимуществу от исполнитель-мужчин, участников двух мировых войн. В записях тех же песен, сделанных в одних и тех же селах, но в 1970-е годы, уже явно преобладали «женские голоса», что объясняется демографическими процессами.

Ряд песен, отнесенных Л. И. Брянцевой к балладным, возможно, правильнее было бы отнести к историческим. Тем более такие, как «Татарский полон», «Мать встречает дочь в татарском плену», а также сложенную как отклик на войну 1812 года «Муж-солдат в гостях у жены», которые не только по мнению многих ученых, авторов солидных учебников и хрестоматий, но и по конкретному содержанию, фактическим реалиям, поэтическому строю и изобразительным средствам плавно вписываются в разряд исторических. Уже тот факт, что сюжет «Татарского

полона» с его исконно русской, казачьей или «киргизской» версиями изучается в трудах крупных ученых, посвященных историческим песням (См. напр.: [Путилов 1960]), красноречиво говорит в пользу высказанной точки зрения. Однако для нас важно то, что в отличие от записей, сделанных в начале XX века среди оренбургского казачества и опубликованных в сборниках М. П. Андреева [Андреев 1936] и Д. М. Балашова [Балашов 1963], где тексты «Татарского полона» контаминированы — в первом случае — с сюжетом «Мать встречает дочь в татарском плену», во втором — с фрагментом «Спасения полонянки», «башкирские» их варианты, обнаруженные полвека спустя, оказались более полными и совершенными.

Что касается текстов собственно баллад, которые занимают значительную часть сборника (23 текста), то они также отмечены замечательной отточенностью стиля, подлинным драматизмом и нежным лиризмом исполнения, в то время как произведения данного жанра время от времени появляющиеся в отдельных изданиях в целом представлены неполными, обрывочными, а то и просто ущербными вариантами. О сравнительно благополучной творческой судьбе жанра баллады в Архангельском районе можно судить по тому, что баллада «Дочка-пташка» записывалась здесь с разнообразными зачинами более десяти раз, а баллада «Как и по лужку» донесла до нас один из древнейших фольклорных мотивов, связанный с брачными обычаями испытания загадками дружки, жениха и других облеченных какими-либо полномочиями поезжан.

Наиболее характерный тип народной лирики — это, как известно, семейно-бытовые песни с их неизменными мотивами безысходности жизни, нескончаемой нужды, непосильной тяжести крестьянского труда, семейной деспотии при обычных в прошлом принудительных (со стороны бар и родителей) браках и неизбежной тоски по воле и счастью с любимым человеком. Некоторым из них присущ сочный юмор, доходящий порой до остро сатирической насмешки, например, в песнях о неувягающей молодойке, тайком от старого мужа гуляющей с детиной до зореньки, о нерадивых хозяйках, бестолковых растеряхах и ленивых неумехах. Одна из них сидит на печке, «приплачивает» заплатки, при этом во всю ругает мужа, требует продать «корову с лошадушкой», чтобы купить ей наряды. Тот выполняет просьбу, но за-

прягает ее саму в сани и на ней едет по дрова. Теперь образумившаяся строптивца просит продать шубенку с телогрейкою, купить корову с лошадушкой, чтобы было на ком хозяйство вести, ребяток кормить. Лирические песни составили самый мощный пласт — более пятой части всего издания. Любовно-семейная песня представлена пятьюдесятью, рекрутские и солдатские — семью, удалые, разбойничьи и тюремные — четыремя, ямщицкие — двумя текстами). В большинстве своем они подкупают сдержанной тональностью, смысловым подтекстом, а по форме ярко красочны и глубоко поэтичны, варианты их разнятся зачинами и концовками.

Неповторимой красотой звучания очаровывают слушателя прекрасно сохранившиеся рекрутские и солдатские песни, среди которых на первое место должны быть поставлены теперь уже редкие по бытованию и исполнению «Как по славному городу Тюменю» — о прощании новобранцев с матерями, которые не чаяли дождаться сыновей с рекрутской службы, «Как из трубочки дымочек повеваает» — о проводах солдат на войну чужими людьми и т. д.

Среди частых выделяются плясовые, хотя по мнению В. Я. Проппа, «любая» из них «может быть использована как плясовая» [Пропп 1976, 71]. Этому способствуют их четко выдержанный ритм, внутренняя и конечная рифма и др. В сборнике нашли место как популярные в народе и опубликованные в разных изданиях, так и редкие, а то и вовсе неизвестные варианты песен, что еще больше повышает познавательный и исследовательский уровень рецензируемого издания. Сила притяжения плясовых столь ощутима, что в их сферу оказываются вовлечены отдельные балладные, исторические, контаминированные песни, а также скоморошины с их шутивным складом и быстрым веселым напевом (например, песня «Прогулялся, пропился» с ее тремя версиями, в одной из которых молодец пропивается догола, в другой полицейский — до заплаток, в третьей дьякон закладывает образа). Местный колорит придают им и часто используемые названия сел и деревень, предметы и атрибуты здешнего быта, обихода, одежды, этикета, имена односельчан, забытые в других регионах эротические мотивы, что надо воспринимать как проявление устойчивости исполнительской традиции.

Народная русская песня представлена в сборнике Л. И. Бранцевой в ее разви-

тии, поэтому наряду с исконными соответствующее место отведено в нем и песням позднего образования, в частности, городскому романсу (в издание вошло порядка двадцати лучших его образцов), сюжетам литературного происхождения (обращает на себя внимание, что два из 28 опубликованных в книге — народные переделки стихотворений М. В. Ломоносова «Молчите, струйки чистые» и А. П. Сумарокова «В роще девки гуляли») и украинским песням (10). Последние были занесены в Архангельск еще в период Столыпинских реформ переселившимися сюда безземельными крестьянами из Малороссии.

Вообще, такое богатство и разнообразие русских песен, представляющих подлинную классику жанра, — явление в наши дни уникальное. Значимость сборника не исчерпывается его безусловно самоценным текстовым материалом, сопровождаемым нередко качественными нотными приложениями. Ценность рассматриваемого издания существенно повышает сопутствующий научный аппарат: обстоятельная и достаточно аналитическая вступительная статья, содержательные комментарии к каждой песне и ее вариантам с указанием соответствующих параллелей из сборников XVIII—XX веков, краткие, но емкие сведения об информантах с лаконичной характеристикой их репертуара и исполнительского мастерства.

Можно не сомневаться, что сборник Л. И. Брянцевой «Русская песенная традиция Архангельского района Башкортостана» обретет благодарного читателя в лице не только ученых фольклористов, искусствоведов, преподавателей и студентов филологических и музыкально-хореографических факультетов, но и всех любителей русской словесности, которые по достоинству оценят художественное совершенство народной поэтической культуры и ее непреходящее значение в наши дни и будущие времена.

Литература

Андреев 1936 — Андреев М. П. Русская баллада. М., 1936.

Балашов 1963 — Балашов Д. М. Народные баллады. М., Л., 1963.

Пропп 1976 — Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

Путилов 1960 — Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XIV вв. М., Л., 1960.

Чулков 1770—1774 — Собрание разных песен М. Д. Чулкова. Ч. I—IV. М., 1770—1774.

О. В. МАТВЕЕВ

(Краснодар)

Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год. Дикаревские чтения (13) / под ред. М. В. Семенцова. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2007. — 523 с.

Очередная книга материалов Дикаревских чтений собрала под одной обложкой новые исследования специалистов в области этнических культур из 15 городов Южного Федерального округа и Украины. Объемное иллюстрированное издание в твердом переплете, несомненно, порадует этнографов, фольклористов, историков, лингвистов, явится важным подспорьем в работе преподавателей и работников учреждений культуры.

Первый раздел книги посвящен исследователям и общественным деятелям Северного Кавказа. Известный литературовед В. К. Чумаченко (г. Краснодар) продолжил изучение эпистолярного наследия М. А. Дикарева, обратившись к переписке начала 1890-х годов. Исследователь опубликовал 11 писем Дикарева, обнаруженных в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины. Публикуемые тексты в корне меняют представление о Митрофане Алексеевиче, как о забитом, приниженном провинциальном чиновнике, испытывавшем постоянный комплекс неполноценности в кругу местных краеведов. Т. С. Рудиченко (г. Ростов-на-Дону) обратилась к фольклористическому наследию Адриана Павловича Митрофанова на основе материалов, представленных в личном фонде композитора, хранящемся в Государственном архиве Ростовской области. Т. А. Карташева (г. Ростов-на-Дону) рассмотрела основные вехи истории собирания и публикации обрядов и фольклора донских украинцев. Л. Ю. Костина (г. Краснодар) напомнила о забытом ныне наследии диалектолога В. Ф. Чистякова, предпринявшего в 1920—1930 годы попытку составить лингвистический атлас Кубанского округа. «Длительные перерывы в изучении кубанских говоров уже привели к невосполнимым потерям, — отмечает исследовательница, — поэтому сегодня так важно бережно относиться к научному наследию наших предшественников» (с. 74). Казаковед М. Ф. Титоренко (г. Краснодар) обратилась к истории жизни атамана Баталпащинского отдела Кубанского казачьего войска Ивана Николаевича